

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
в ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ в КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ
СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ИГРЫ**

Военно-политическая ситуация, складывающаяся в субрегионе Юго-Восточной Азии (ЮВА) в целом и в акватории Южно-Китайского моря (ЮКМ), в особенности, становится в последние несколько лет одним из основных источников угроз стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Именно в АТР перемещается «центр тяжести» новой геополитической «Большой игры», которая начала формироваться с окончанием предыдущей, получившей название «холодная война». В группу основных игроков сегодня входят США, КНР, Япония и Индия.

В комментарии к недавнему исследованию SIPRI, в котором говорится о гонке вооружений в АТР, газета «Жэньминь жибао» от 20 марта сего года, во-первых, отмечает, что гонку вооружений в регионе «уже трудно остановить» и, во-вторых, обвиняется в ней Вашингтон, который «является главным получателем выгод» от неё. При этом делается ссылка на «стратегический сдвиг против Китая» внешней политики США и указывается, что «каждое действие Белого дома будет встречать противодействие Китая..., а китайское участие в поддержании мира в регионе невозможно без модернизации вооружённых сил»¹.

Можно достаточно точно указать время, когда постепенно накапливавшиеся проблемы в отношениях между двумя ведущими мировыми державами, вышли на поверхность. Ситуация в АТР в целом и его отдельных субрегионах начала вызывать опасения с октября 2008 г., когда уходящей администрацией Дж. Буша было принято решение о возобновлении продаж американских вооружений Тайваню, что в очередной раз актуализировало тайваньскую проблему. Тайвань и ЮКМ находятся в центре перечня вызовов стабильности военно-политической ситуации в АТР; как в географических аспектах, так и по уров-

ню опасности.

**«Дуга нестабильности» в АТР и пространство новой
«Большой игры»**

Что касается географии, то к северу от Тайваня располагаются Восточно-Китайское море и далее Корейский полуостров, где в последние два года возникали различного рода потенциально опасные коллизии в отношениях между ведущими игроками. К югу и далее на запад от ЮКМ находятся Малаккский пролив и торговый трафик в Индийском океане. Все эти зоны образуют своего рода «дугу нестабильности» огибающую азиатский материк и связывающую в единое стратегическое целое акватории Тихого и Индийского океанов.

Само понятие «дуга нестабильности» (видимо, следуя З. Бжезинскому, но применительно к АТР) впервые было введено в 2007 г. тогдашним премьер-министром Японии Синдзо Абэ. Однако его трактовка природы угроз стабильности в регионе, скорее камуфлировала истинное положение дел. В ходе турне по ряду азиатских стран С. Абэ говорил в то время о необходимости консолидации «демократических» стран материка, которым угрожают «авторитарные режимы».

Упомянутая «связанность» постоянно подчёркивается в последнее время в США. Так, в ходе презентации новой американской военной стратегии, прошедшей в начале января сего года под руководством президента Б. Обамы, руководитель Комитета начальников штабов генерал М. Дэмпси, констатируя, что «все тренды – демографические, геополитические, экономические и военные сдвигаются в сторону АТР...», связал с этим фактом и «...стратегические вызовы [США], которые в основном теперь будут исходить не только из Тихого океана, но также из прибрежных вод Индийского океана»². Нелишне напомнить, что пространство, на которое уже давно распространяется зона ответственности «Тихоокеанского командования США» (USPACOM), простирается от западного побережья американского континента до меридиана, проходящего через стык границы между Индией и Пакистаном на берегу Аравийского моря, то есть охватывает две трети акватории Индийского океана.

Перспектива формирования тройственного союза «США-Япония-Индия»

К упоминавшейся выше «консолидации» С. Абэ призывал в первую очередь Индию, развивать всесторонние связи с которой Япония начала с середины прошлого десятилетия вслед за активизацией американской политики на индийском направлении. Причём, уже тогда не вызвала сомнения антикитайская направленность обоих процессов. В это же время отмечалась и первые попытки формирования квази-союзнических отношений в треугольнике «США-Индия-Япония» при участии Австралии и некоторых других стран региона. Речь идёт о так называемой «Инициативе 4-х, заявленной в мае 2007г «на полях» заседания «Форума АСЕАН».

В «Совместном заявлении», принятом по итогам очередного заседания американо-японского «комитета 2+2», состоявшегося в июне 2011 г., были, во-первых, подтверждены взаимные обязательства по обеспечению общих интересов сторон в регионе, и, во вторых, констатировалась необходимость «...укрепления безопасности и обороны [США и Японии] в трёхстороннем формате...» с такими странами, как Австралия, Южная Корея и Индия³.

В контексте процитированного выше «Заявления» особо примечательным представляется предложение по созданию «комитета 2+2+2» в составе министров иностранных дел и обороны трёх ведущих держав региона, то есть США, Японии и Индии. Оно было сформулировано министрами иностранных дел Японии К. Гембой и Индии С.М. Кришной в ходе визита последнего в Токио, состоявшегося в конце октября 2011 г.⁴

Эта идея, видимо, начала реализовываться, о чём свидетельствует первая трёхсторонняя встреча на уровне заместителей министров иностранных дел США, Японии и Индии, состоявшаяся в Вашингтоне 19 декабря 2011 г., которая теперь будет проходить на регулярной основе. В пресс-релизе, опубликованном посольством Индии в США после окончания переговоров, говорится, что в ходе их проведения обсуждался «...широкий круг проблем регионального и глобального уровня с позиций общих интересов сторон». Сама встреча рассматривается в качестве «...начала консультаций трёх наших

правительств, которые разделяют общие интересы в АТР и в мире в целом»⁵.

Во второй половине апреля сего года подобные переговоры прошли в Дели. Широкий круг вопросов, которые стороны обсуждали, включал ситуацию в Восточной Азии в целом и, в особенности, «напряжённость в ЮКМ». Они последовали сразу за американо-индийскими военными учениями, состоявшимися 13 апреля, в ходе которых американский авианосец Carl Vinson (входящий в состав USPACOM и находившийся до этого в Персидском заливе) заправлялся топливом от танкера ВМС Индии.

Мотивация новой «Большой игры»

Хотя каждому из «звеньев» «дуги нестабильности» свойственна своя специфика потенциальной конфликтности (нередко уходящая в глубокую историю), все они сегодня связаны маршрутом транспортировки углеводородов из зоны Персидского залива, а также из африканского континента в Индию, Китай, Тайвань, Южную Корею и Японию. Примечательной представляется реплика обозревателя журнала «Экономист» на высказывание С. Абэ по поводу «авторитарных режимов» – эти «режимы» почему-то расположились вдоль маршрута транспортировки нефти в Японию, по которому доставляется свыше 80 % импортируемых страной углеводородов⁶.

Контроль за этим маршрутом всеми ведущими региональными игроками рассматривается в качестве ключевого элемента проблемы обеспечения безопасности, поскольку его блокирование неизбежно вызовет коллапс их экономик, что будет означать национальную катастрофу. Поэтому мероприятия по военной поддержке безопасного функционирования этого трафика, принимаемые одним игроком, другим, естественно, рассматривается в качестве вызова его национальным интересам, требующим «адекватного ответа».

Причём сама «адекватность» «ответных мероприятий» может трактоваться весьма широко. Например, в ответ на стратегию «жемчужного ожерелья» на азиатском материке и в Индийском океане, которую, якобы, реализует Китай в отношении Индии, последняя проявляет всё большую активность (включая

военную) не только в том же Индийском океане, но и в странах ЮВА (Вьетнаме, Индонезии, Таиланде, Сингапуре), а также в акватории ЮКМ. Индия всячески поощряет военную активность Японии в Индийском океане и стремится к расширению военных связей с этой страной.

Всё более заметное силовое противостояние на море актуализирует популярную на рубеже 19-20 веков аббревиатуру SLOC (Sea Lines of Communications)⁷. Проблемой контроля SLOC в первую очередь (а не пресловутой «пиратской угрозой») обусловлена военная активность последних лет всех основных региональных игроков в районе Аденского залива, в Индийском океане в целом, а также в Южно-Китайском море. Вместе с этой аббревиатурой в аналитических работах возникают и весьма известные в начале 20 в. фамилии адмиралов и теоретиков борьбы на море, таких как А. Тирпиц, Дж. Фишер, А.Т. Мэхэн, Дж.С. Корбетт.

Вместе с ними появляются и аналогии (к сожалению не редкие) между ситуацией, складывающейся в настоящее время в АТР, и тем, что наблюдалось в период, предшествовавший Первой мировой войне⁸. Сегодня на место «Великобритании» начала 20-го века ставятся США, которым «бросает вызов» новая «кайзеровская Германия», каковой предлагается считать КНР.

Если использовать популярный сегодня язык различного рода игр, в частности, шахматной, то, на мой взгляд, на главном участке глобальной игровой доски, в каковой превращается АТР, сегодня наблюдается переход от дебюта, начавшегося в середине 90-х годов с так называемого «третьего тайваньского кризиса», к миттельшпилю. Опять же, к сожалению, я пока не вижу, что может остановить его бурное протекание с быстрым переходом к эндшпилю.

Тайвань и Южно-Китайское море – новые «Балканы»?

На роль новых «Балкан» не подходят Северная Африка, Ближний Восток и даже Иран. Отсюда генерируется много шума в мировую прессу, но неугахающие здесь конфликты едва ли выйдут за локальные масштабы. У КНР нет пока силовых

ресурсов для активного вмешательства в складывающуюся здесь ситуацию. Однако новыми «Балканами» вполне и в любое время могут стать Тайвань и ЮКМ.

То, что тайваньская проблема остаётся в стратегическом тупике, не очень заметно на фоне быстрого роста китайско-тайваньской торговли, который наблюдался с приходом в 2000 г. к власти на Тайване Демократической прогрессивной партии (ДПП). Она сменила у руководства Тайванем партию Гоминьдан, до этого безраздельно правившую на острове свыше 50-и лет. С возвращением в 2008 г. к власти гоминьдановцев развитие двусторонних отношений распространилось и на другие сферы китайско-тайваньских отношений.

Однако, на мой взгляд, это ни на шаг не приблизило Китай к решению стратегической задачи, заключающейся в «восстановлении единства нации». Более того, китайско-тайваньские отношения во всё большей степени начинают приобретать характер обычных отношений независимых государств. И это, по-видимому, явилось определённой неожиданностью для руководства КНР, стратегия которого в прошлом десятилетии сводилась к относительно незаметному для островитян поглощению «мэйнлэндом» через развитие всесторонних связей с Тайванем. Поэтому неслучайными представляются резкие заявления Пекина о том, что КНР не может «бесконечно ждать» решения тайваньской проблемы. Между тем, сама эта проблема имеет все шансы к дальнейшему усложнению по мере подключения Японии к её двум основным участникам, то есть США и Китаю.

Присутствие Японии (а также Индии) становится всё более заметным и в американо-китайских играх в ЮВА. Япония расширяет своё влияние на страны субрегиона, большинство из которых (Вьетнам, Филиппины, Индонезия, Малайзия, Бруней) находятся в состоянии спора с КНР по поводу обладания группой островов в ЮКМ. Причём, к экономической компоненте осуществления подобного влияния в последнее время добавляется военная.

В частности, в сентябре 2011 г. премьер-министром Японии Ё. Нодой и президентом Филиппин Б. Акино было заявлено об «усилении» двусторонней кооперации по обеспечению

безопасности в Южно-Китайском море. В конце того же года стороны договорились об организации постоянно действующего японо-филиппинского «стратегического диалога» на уровне заместителей министров. В ходе первого тура такого «диалога», состоявшегося в Токио 23 марта 2012 г., стороны договорились о передаче Филиппинам нескольких японских патрульных судов. Через неделю последовало заявление МИД КНР по поводу предстоящих совместных филиппино-вьетнамских военно-морских учений в Южно – Китайском море. Последние характеризуются, как «усиливающие территориальные споры» Китая с его соседями и «угрожающие миру» в регионе⁹.

В целом же едва ли будет некорректной аналогия между ситуациями, складывающимися в треугольниках «США – Тайвань – КНР» и «США – страны ЮВА – КНР». При этом Тайвань и страны ЮВА выступают в новой «Большой игре» скорее в качестве объектов реализации стратегий двух её основных участников.

Степень субъектности АСЕАН

Это не означает, что страны ЮВА (по отдельности и все вместе) лишены какой-либо субъектности. Но объединяющая их АСЕАН, до недавнего времени, по крайней мере, отличалась, на мой взгляд, явно завышенной самооценкой, в частности, претензиями на роль «ядра интеграционных процессов» в АТР. Эти самооценка и претензии слабо привязаны к реалиям новой «Большой игры», основными участниками которой являются игроки, обладающие ресурсами, несопоставимыми с тем, что может выложить АСЕАН в целом на региональный игровой стол. Собственно, реальный потенциал влияния АСЕАН на развитие ситуации в АТР отчётливо проявился после недавних неудачных попыток разрешения камбоджийско-тайландского вооружённого конфликта, десятилетиями перманентно тлеющего между двумя участниками этой организации.

Региональные форумы, которые проводятся АСЕАН, превращаются в площадку выяснения отношений между ведущими державами АТР. Это отчётливо продемонстрировал прошлогодний «Форум АСЕАН», прошедший на разных уровнях осенью 2011 г. в Ханое. Ведущие участники региональной игры и

сам её характер создают силовое поле растягивающих напряжений, угрожающее «разборкой» АСЕАН на фрагменты. Участники этой Ассоциации оказываются перед перспективой выбора предпочтительного для каждого из них «патрона», то есть того или иного ведущего участника региональной игры.

По мере её обострения эта перспектива будет всё более реальной. Собственно, процесс «селекции» членов АСЕАН уже идёт. Если Сингапур, а также Филиппины и не меняли своего позиционирования в качестве союзников США, то сдвиг в ту же сторону Вьетнама (одной из ведущих стран АСЕАН) показателен. Едва ли удастся сохранить нейтральное позиционирование даже такому «тяжеловесу» Ассоциации, каковым является Индонезия. Во всяком случае, в последнее время США уделяют этой стране не меньшее внимание, чем Вьетнаму. Поэтому мне представляется сомнительной возможность достижения целей «Хартии АСЕАН», вступившей в силу в конце 2008 г., в частности преобразования её до формата ЕС. Тем более, что и перспективы самого ЕС выглядят далеко не радужными.

Сильнейший удар по эффективности АСЕАН может нанести успех важнейшего американского проекта последних лет, связанного с превращением «Транс-Тихоокеанского партнёрства» (ТТП) в объединение группы ведущих союзников США на американском континенте и в Восточной Азии. В 2005 г. в переговорах по формированию ТТП участвовали лишь Бруней, Новая Зеландия, Сингапур и Чили. Однако в ноябре 2011 г. на саммите ТТП (прошедшего «на площадке» очередного форума АТЭС в Гонолулу), помимо перечисленных выше стран, участвовали также США, Япония, Австралия, Вьетнам и Малайзия. Кроме того, наряду с Канадой, Мексикой и Тайванем, вполне возможно подключение к переговорному процессу в рамках ТТП и ряда других стран АСЕАН.

Таким образом, в ТТП может оказаться половина (или даже больше) стран-членов АСЕАН, что едва ли будет способствовать развитию экономических связей внутри Ассоциации и, в частности, повышению доли торговли между странами – участницами по сравнению с общим внешнеторговым оборотом каждой из них.

Несмотря на заявления Х. Клинтон о потенциальной открытости ТПП и для КНР, его антикитайская направленность не вызывает сомнения не только у китайских экспертов. В частности, вполне ожидаемый положительный ответ Тайваня на приглашение участия в ТПП будет только способствовать укреплению его статуса «специфического», а на самом деле независимого государства de facto.

В заключение следует обратить внимание на три момента, имеющих прямое отношение к России. Во-первых, наблюдается процесс распространения в северном направлении (от упоминавшейся выше «дуги») пространства американо-китайского соперничества. Оно захватывает Пакистан, субрегион Центральной Азии и (что, возможно, менее заметно) Монголию. Иными словами, это пространство приближается к нашим южным границам, что (наряду с усиливающимся военно-политическим давлением на западных границах России) необходимо принимать во внимание при формировании «Большой стратегии» РФ.

Во-вторых, слабая вовлечённость России в экономические процессы, протекающие в АТР, вследствие неразвитости (ключевого в данном случае) региона Сибири и Дальнего Востока, является основным препятствием для повышения веса РФ в региональных делах.

Наконец, нельзя не отметить, что складывающаяся в АТР ситуация создаёт негативный фон для предстоящего саммита АТЭС, который должен состояться осенью текущего года во Владивостоке.

¹ Arms race will happen, but who to blame//People's Daily Online, March 20, 2013.

² Daniel Wasserbly, Obama looks to leaner military, As-Pac focus//Jane's Defence Weekly, 11 January 2012, p. 5.

³ Joint Statement of the Security Consultative Committee. Toward a Deeper and Broader U.S.-Japan Alliance: Building on 50 Years of Partnership, June 21, 2011, by Secretary of State Clinton, Secretary of Defense Gates, Minister for Foreign Affairs Matsumoto, Minister of Defense

Kitazawa, http://www.mofa.go.jp/n-america/us/security/pdfs/joint1106_o1.pdf, p. 3-5.

⁴ Этот визит носил характер подготовки к упоминавшейся выше встрече на высшем уровне, прошедшей в конце декабря того же года, в ходе которой руководители обеих стран, среди прочего, договорились о кооперации и в сфере безопасности. В частности, на 2012 г. запланировано проведение совместных военно-морских учений. Кроме того, стороны договорились о кооперации по обеспечению безопасного функционирования торговых маршрутов, проходящих через Индийский океан (Japan, India agree to boost cooperation in security, economy//The Mainichi Daily News. December 29. 2011.)

⁵ First US-Japan-India trilateral meeting//hindustantimes. Thu. 29 Dec. 2011. Следует отметить, что концептуальная проработка процесса формирования стратегического треугольника «США-Япония-Индия», видимо, осуществляется уже с 2007 г., когда на регулярной основе стали проводиться встречи экспертов ведущих аналитических центров трёх стран, а именно: The Center for Strategic and International Studies, The Japan Institute of International Affairs, The Confederation Indian Industry (The United States, Japan and India: Toward New Trilateral Cooperation//csis.org/files/media/csis/pubs/070816_us_j_ireport_pdf, August 16, 2007). Таким образом, упомянутые трёхсторонние «консультации» начались, фактически, пять лет назад.

⁶ Abe blows, Japanese trumpet, cautiously//The Economist, May 5th, 2007, p.38.

⁷ Robert D. Kaplan, Center Stage for the Twenty-first Century// Foreign Affairs. 2009. March/April. p. 16-32; Andrew Jr. Krepinevich, 'The Pentagon's Waiting Assets'//Foreign Affairs, 2009. July/August. p.18-33.

⁸ John Mearsheimer, The Rise of China Will Not Be Peaceful at All//The Australian, 2005, November 18.; Joseph S. Nye, China's Rise does't Mean War//Foreign Policy. 2011. January/February. P. 66; Joseph S. Nye, U.S.-China relationship: A shift in perceptions of power//Los Angeles Times. 2011. April 6.

⁹ China warns Vietnam, Philippines 'damaging peace' in sea//The Mainichi Daily News, March 30, 2012.